

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

1001 ночь.

Рассказ об Исхаке Мосульском

Рассказывают, что Исхак Мосульский [314] говорил: "Однажды вечером я вышел от аль–Мамума, направляясь домой, и меня стеснило желание помочиться, и я направился в переулок и встал помочиться, боясь, что мне что–нибудь повредит, если я присяду около стен. И я увидел какой–то предмет, подвешенный к дому, и потрогал его, чтобы узнать, что это такое, и увидел, что это большая корзина с четырьмя ушками, покрытая парчой. "Этому непременно должна быть причина!" – сказал я про себя и впал в замешательство, не зная, что делать.

И опьянение побудило меня сесть в эту корзину, и вдруг владельцы дома потянули ее вместе со мной, думая, что я тот, кого они поджидали. И они подняли корзину к верхушке стены, и вдруг, я слышу, четыре невольницы говорят мне: "Выходи, простор тебе и уют!" И одна невольница шла передо мной со свечкой, пока я не спустился в дом, где были убранные комнаты, подобных которым я не видел нигде, кроме халифского дворца. И я сел, и не успел я опомниться, как подняли занавески на одной стороне стены, и вдруг появились прислужницы, которые шли, держа в руках свечи и жаровни с куреньями из какуллийского алоэ [315], и посреди них шла девушка, подобная восходящей луне. И я поднялся, а она сказала; "Добро пожаловать тебе, о посетитель!" И затем она посадила меня и стала меня расспрашивать, какова моя история, и я сказал: "Я вышел от одного из моих друзей, и время обмануло меня, и по дороге меня прижала нужда помочиться. И я свернул в этот переулок и увидел брошенную корзину, и вино посадило меня в нее, и корзину со мной подняли в этот дом, и вот то, что со мной было. "Тебе не будет вреда, и я надеюсь, что ты восхвалишь последствия твоего дела", – сказала женщина. А затем она спросила меня: "Каково твое ремесло?" – "Я купец на рынке Багдада", – ответил я. "Знаешь ли ты какие–нибудь стихи?" – спросила она, и я ответил: "Я знаю кое–что незначительное". И девушка молвила: "Напомни из этого что–нибудь". Но я отвечал: "Приходящий теряется, начни ты". – "Ты прав", – ответила девушка и произнесла нежные стихотворения, из тех, что сказаны древними и новыми, и было это из числа лучших их слов, а я слушал и не знал, дивиться ли ее красоте и прелести, или тому, как она хорошо говорят. "Прошла охватившая тебя растерянность?" – спросила потом девушка. И я ответил: "Да, клянусь Аллахом!" И тогда она сказала: "Если хочешь, скажи мне что–нибудь из того, что ты знаешь". И я сказал ей столько стихов древних поэтов, что этого было достаточно. И девушка одобрила меня и воскликнула: "Клянусь Аллахом, я не думала, что среди детей лавочников найдется подобный тебе!" А затем она приказала подать кушанья…"

И сказала Шахразаде сестра ее Дуньязада: "Как сладостен твой рассказ, и прекрасен, и приятен, и нежен!"

И Шахразада ответила: "Куда этому до того, что я расскажу вам в следующую ночь, если буду жить и царь пощадит меня!.."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Ночь, дополняющая до двухсот восьмидесяти

Когда же настала ночь, дополняющая до двухсот восьмидесяти, Шахразада сказала: "Куда этому до того, что расскажу вам теперь, если царь пощадит меня".

"Закончи свой рассказ", – молвил царь. И Шахразада сказала: "С любовью и удовольствием.

Дошло до меня, о счастливый царь, что Исхак Мосульский говорил: "И затем девушка приказала принести кушанья. И их принесли, и она стала брать их и ставить передо мной (а в комнате были разные цветы и диковинные плоды, которые бывают только у царей). А потом она велела подать вино, и выпила кубок, и подала кубок мне, и сказала: "Теперь время для беседы и рассказов".

И я пустился с нею беседовать и говорил: "Дошло до меня, что было то–то и то–то, и говорил некий человек тото…." – и рассказал ей множество хороших рассказов. И женщина развеселилась от этого и сказала: "Поистине, я дивлюсь, как это человек из купцов помнит такие рассказы. Это ведь из бесед с царями". – "У меня был сосед, который беседовал с царями и был их сотрапезником, – отвечал я, – и когда он бывал не занят, я заходил к нему в дом, и он нередко мне рассказывал то, что ты слышала". – "Клянусь жизнью, ты хорошо запомнил!" – воскликнула девушка. И затем мы стали беседовать, и всякий раз, как я замолкал, начинала она, пока мы не провели так большую часть ночи, и пары алоэ благоухали.

И я был в таком состоянии, что если бы аль–Мамун мог его себе представить, он бы, наверное, взлетел, стремясь к нему. "Поистине, ты из самых тонких и остроумных людей, так как обладаешь редким вежеством, сказала девушка. – Но теперь остается только одна вещь". – "Что же это?" – спросил я. И она молвила: "Бустби ты умел петь стихи под лютню!" – "Я предавался этому занятию в прошлом, но, не добившись удачи, отвернулся от него, хотя в моем сердце был жар, и мне бы хотелось получше исполнить что–нибудь в этой комнате, чтобы эта ночь стала совершенной", – ответил я. И девушка сказала: "Ты как будто намекнул, чтобы принесли лютню?" "Тебе решать, ты милостива, и это будет от тебя добром", – молвил я.

И девушка велела принести лютню, и спела таким голосом, равного которому по красоте я не слыхивал, с хорошим умением, отличным искусством в игре и превосходным совершенством. "Знаешь ли ты, чья это песня, и Знаешь ли ты, чьи стихи?" – спросила девушка. "Нет", – отвечал я. И она сказала: "Стихи такого–то, а напев – Исхака". – "А разве Исхак – я выкуп за тебя! – так искусен?" – спросил я. "Ах, ах! – воскликнула девушка. Исхак выделяется в этом деле!" – "Слава Аллаху, который даровал этому человеку то, чего не даровал никому!" – молвил я. И девушка сказала: "А что бы было, если бы ты услышал эту песню от него!"

И мы продолжали проводить так время, а когда показалась заря, подошла к девушке старуха – будто бы из ее нянек – и сказала: "Время пришло!" И при этих словах девушка поднялась и молвила: "Скрывай то, что с нами было, так как собрания охраняются скромностью…"

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Двести восемьдесят первая ночь

Когда же настала двести восемьдесят первая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что девушка сказала: "Скрывай то, что с вами было, так как собрания охраняются скромностью!" И я воскликнул:

"Пусть буду я за тебя выкупом!" – "Мне не нужно наставлений!"

И потом я простился с девушкой, и она послала невольницу, которая шла передо мной до ворот дома и открыла мне, и я вышел и направился домой. И я сотворил утреннюю молитву и поспал, и ко мне пришел посланный от аль–Мамуна, и я пошел к нему и оставался весь день у него. Когда же пришло время вечера, я стад думать о том, что было со мной накануне – а это дело, от которого удержится только глупый, – и вышел, и пришел к корзине, и сел в нее, и меня подняли в то место, где я был накануне. "Ты стал прилежен", – сказала девушка. И я воскликнул: "Я думаю, что был лишь небрежен!"

И затем мы принялись разговаривать, как делали в прошлую ночь, и беседовали и говорили стихи и рассказывали диковинные истории – она мне, а я ей – до самой зари. А потом я ушел домой и совершил утреннюю молитву и поспал, и ко мне пришел посланный от аль–Мамуна, и я отправился к нему и оставался весь день у него. И когда наступило время вечера, повелитель правоверных сказал мне: "Заклинаю тебя, посиди, пока я схожу по делу и приду". И когда халиф ушел и скрылся, беспокойство поднялось во мне, и я вспомнил о том, что со мною было, и ничтожным показалось мне то, что достанется мне от повелителя правоверных. И я вскочил, чтобы уйти, и вышел бегом, и пришел к корзине, и сел в нее, и ее подняли со мною в комнату, и девушка сказала мне: "Может быть, ты наш друг?" И я воскликнул: "Да, клянусь Аллахом!" – "Ты сделал наш дом постоянным местопребыванием?" – спросила она. И я ответил: "Пусть буду я за тебя выкупом! Право на гостеприимство длится три дня, а если я вернусь после этого, моя кровь будет вам дозволена".

И потом мы сидели, как и прежде, а когда время приблизилось, я понял, что аль–Мамун непременно меня спросит и удовлетворится, только узнав всю мою историю. И я сказал девушке: "Я вижу ты из тех, кому нравится пение, а у меня есть двоюродный брат, который красивее меня лицом, почетнее саном и более образован, и он лучше всех созданий Аллаха великого знает Исхака". – "Разве ты блюдолиз?" – спросила девушка. И я молвил: "Ты властна решать в этом деле". А она оказала: "Если твой двоюродный брат таков, как ты его описываешь, знакомство с ним не будет нам неприятно".

А потом пришло время, и я поднялся и ушел и направился домой, но я не дошел еще до дому, как посланные аль–Мамуна ринулись на меня и грубо меня подняли…"

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Двести восемьдесят вторая ночь

Когда же настала двести восемьдесят вторая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что Исхак Мосульский говорил: "Но я не дошел еще до дому, как посланные аль–Мамуна ринулись на меня, грубо подняли и повели к нему. И я увидел, что он сидит на скамеечке, разгневанный на меня. "О Исхак, ты выходишь из повинования?" – молвил он. И я сказал: "Нет, клянусь Аллахом, о повелитель правоверных!" И он спросил: "Какова же твоя история? Расскажи мне правду". – "Хорошо, но только наедине", отвечал я. И аль–Мамун кивнул тем, кто стоял перед ним, и они отошли в сторону, и тогда я рассказал ему всю историю и сказал: "Я обещал ей, что ты придешь". И аль–Мамун отвечал: "Ты хорошо сделал".

А потом мы провели в наслаждениях весь день, и сердце аль–Мамуна привязалось к той девушке. И нам не верилось, что пришло время, и мы отправились, и я наставлял аль–Мамуна и говорил ему: "Воздерживайся называть меня перед ней по имени – в ее присутствии я твой провожатый".

И мы условились об этом и шли, пока не достигли того места, где была корзина, и нашли там две корзины, и сели в них, и их подняли с нами в уже знакомое место. И девушка подошла и приветствовала нас, и, увидав ее, альМамун впал в замешательство из–за ее красоты и прелести. И девушка принялась рассказывать ему предания и говорить: стихи, а затем принесла вино, и мы стали пить, и девушка была приветлива с аль–Мамуном и радовалась ему, и он тоже был с нею приветлив и радовался ей.

Девушка взяла лютню и пропела песню, а потом спросила меня: "И твой двоюродный брат тоже из купцов?" – указав на аль–Мамуна. "Да", – ответил я, и она сказала: "Поистине, вы близки друг к другу по сходству!" И я отвечал ей: "Да!"

А когда аль–Мамун выпил три ритля [316], в него вошли радость и восторг, и он воскликнул и сказал: "О Исхак!" И я ответил ему: "Я здесь, о повелитель правоверных!" – "Спой эту песню!" – сказал аль–Мамун.

И когда девушка узнала, что это халиф, она направилась в одну из комнат и вошла туда. А когда я кончил петь, халиф сказал мне: "Посмотри, кто хозяин этого дома". И какая–то старуха поспешила ответить и молвила: "Он принадлежит аль–Хасану ибн Сахлю" [317]. – "Ко мне его!" – воскликнул халиф, и старуха на минуту скрылась, и вдруг явился аль–Хасан. И аль–Мамун спросил его: "Есть у тебя дочь?" – "Да, ее зовут Хадиджа", – отвечал аль–Хасан. "Она замужем?" – спросил аль–Мамун, и аль–Хасан ответил: "Нет, клянусь Аллахом!" И аль–Мамун сказал: "Тогда я сватаю ее у тебя". – "Она твоя невольница, и власть над нею принадлежит тебе, о повелитель правоверных", – ответил аль–Хасан. И халиф молвил: "Я женюсь на ней за приданое в тридцать тысяч динаров наличными деньгами, которые отнесут к тебе сегодня под утро, И, когда ты получишь деньги, доставь нам твою дочь к вечеру". И ибн Сахль отвечал: "Слушаю и повинуюсь!"

И потом мы вышли, и халиф сказал мне: "О Исхак, не рассказывай никому эту историю!" И я скрывал ее, пока аль–Мамун не умер. И ни над кем не соединилось столько, сколько соединилось надо мной в эти четыре дня, – я сидел с аль–Мамуном днем и сидел с Хадиджей ночью, и, клянусь Аллахом, я не видел среди мужей человека, подобного аль–Мамуну, и не знавал среди женщин девушки, подобной Хадидже, – нет, даже близкой к Хадидже по сообразительности, разуму и речам, а Аллах знает лучше!"